

"История одного города". По подлинным документам издал М. Е. Салтыков (Щедрин). Спб., 1870 г.

Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

По-видимому, нет ничего легче, как дать себе отчет о произведении писателя, талант которого окреп и вполне определился, и имя пользуется известностью наравне с лучшими именами нашей литературы. Но последнее произведение г. Салтыкова в читателе внимательном порождает некоторые недоумения, разрешить которые не совсем легко. "История одного города", по замыслу, есть нечто новое, есть попытка на новом поприще, на которое г. Салтыков еще не выходил: он пробует свои силы, если можно так выразиться, в исторической сатире, то есть ищет для себя образов в прошлом, не особенно далеком, что не лишает его произведение некоторого современного значения, потому что, несмотря на несомненный прогресс в нашей жизни, и более отдаленное прошлое в некоторых чертах сохраняет еще для нас интерес современности: достаточно указать на сочинение Флетчера¹ "О Государстве Русском", явившееся в XVI столетии; оно так глубоко указало на причины наших недугов, что некоторые страницы его смело могут быть вставлены в современную публицистическую статью, и ни одному читателю не придет в голову, что это не мысли современного автора, а голос просвещенного, дальновидного политика-англичанина, умершего двести шестьдесят лет тому назад. Г. Салтыков берет своих героев из второй половины прошлого века и первой четверти настоящего; естественно, что в этом пределе он мог выбрать весьма рельефных героев, которыми, вообще, так богат был XVIII век; если б какому-нибудь из наших теперешних талантливых поэтов пришла охота *перевести* сатиры Кантемира звучными ямбами, то можно поручиться, что они возбудили бы живой интерес, потому что содержание их далеко не вымерло; но современный сатирик, который решился бы добросовестно изучить эпоху, непосредственно следовавшую за Кантемиром, во всех ее подробностях, и изобразить ее в ярких картинах, был бы, конечно, в положении гораздо лучше, чем "переводчик" Кантемира; сообразив все это, г. Салтыков, конечно, принял во внимание и большую свободу творчества, предоставляемую условиями нашей печати для писателей, уходящих, так сказать, в глубь веков. Таковы были выгоды положения сатирика.

Если бы он приступил к своему предмету прямо, никаких недоумений, о которых мы упомянули, могло бы и не существовать; но ему захотелось почему-то усложнить свою задачу и выразить в предисловии те цели, которые имел он в виду. Одна из них -- историческая сатира, как мы уже сказали, заключенная, однако, в довольно узкие рамки, ибо автор желает только "уловить физиономию города (Глупова) и уследить, как в его истории отражались разнообразные перемены, одновременно происходившие в высших сферах". Другая цель, как то можно судить по некоторым прозрачным намекам того же предисловия, -- сатира на метод историографии, которого придерживаются гг. Шубинский, Мельников и др.²; имена эти г. Салтыков приводит. По-видимому, с этою целью он рекомендует себя только издателем "Глуповского Летописца", заключающегося в большой связке тетрадей, найденной им в глуповском городском архиве. "Летописец" веден четырьмя архивариусами с 1731 года по 1825 г., и содержание его "почти исключительно исчерпывается биографиями градоначальников, в течение почти целого столетия владевших судьбами города Глупова, и описанием замечательных их действий, как-то: скорой езды на почтовых, энергического взыскания недоимок, походов против обывателей, устройства и расстройства мостовых, обложения данями откупщиков" и т. п. Для большей ясности своей цели автор прибавляет, что он "только исправил тяжелый и устарелый слог "Летописца" и имел надлежащей надзор за орфографией, нимало не касаясь самого содержания летописи. С первой минуты до последней издателя не покидал грозный образ Михаила Петровича Погодина³, и это уже одно может служить ручательством, с каким почтительным трепетом он относился к своей задаче".

Прочитав одно предисловие и не приступая еще к самой книге, можно подумать, что это -- просто шутка, смех для смеха, потому что странно было бы писать целую книгу с той, между прочим, целью, чтоб осмеять разных невинных компиляторов, которые, в конце концов, все-таки приносят свою долю пользы. Но познакомившись с содержанием целой книги, по временам видишь, что г. Салтыков как будто и в самом деле не упускает из виду пародии, и, вследствие того, становится трудно отделять те взгляды, которые сатирик может считать своими, в качестве бытописателя, от взглядов мнимых его архивариусов. Правда, тон пародии нигде не выдержан, "грозный образ М. П. Погодина" нимало не преследует сатирика,